

ГЛАВА II.

Драки въ школьѣ.

Толстой не допускаетъ вмѣшательства въ дѣтскія драки. «Учитель бросается разнимать,—говоритъ онъ,—и разведенные враги косятся другъ на друга, и даже при грозномъ учителѣ не удержатся, чтобы еще больнѣе, чѣмъ прежде, на послѣдкахъ не толкнуть одинъ другого. Сколько разъ я каждый день вижу, какъ какой-нибудь Кирюшка, стиснувъ зубы, налетитъ на Тараску, зацѣпитъ его за виски, валитъ на землю и, кажется, хочетъ живъ не остаться—изуродовать врага, а не пройдетъ минуты, Тараска уже смѣется изъ-подъ Кирюшки, одинъ—разъ за разомъ все легче отплачиваетъ другсму; и не пройдетъ пяти минутъ, какъ оба дѣлаются друзьями и идутъ садиться рядомъ.

«Недавно между классами, въ углу, сцѣпились два мальчика; одинъ—замѣчательный математикъ, лѣтъ девяти, второго класса, другой—стриженный дворовый, умный, но мстительный, крошечный, черноглазый мальчикъ, прозванный Кыской. Кыска сцапалъ за длинные виски математика и прижалъ ему голову къ стѣнѣ; математикъ тщетно цѣплялъ за стриженную щетинку Кыски. Черные глазенки Кыски торжествовали. Математикъ едва удерживался отъ слезъ и говорилъ: «ну, ну! что? что?» но ему видно плохо приходилось, и онъ только храбрился. Это продолжалось довольно долго, и я былъ въ нерѣшительности, что дѣлать. «Дерутся, дерутся!» закричали ребята и столпились около угла. Маленькіе смѣялись, но большіе, хотя и не стали разнимать, какъ-то серьезно переглянулись, и эти взгляды и молчанье не ушли отъ Кыски. Онъ понялъ, что дѣлаетъ что-то нехорошее, и началъ преступно улыбаться и отпускать понемногу виски математика. Математикъ вывернулся, толкнулъ Кыску такъ, что тотъ ударился затылкомъ о стѣну, и, удовлетворенный, отошелъ. Кыска заплакалъ, пустился за своимъ врагомъ, изъ